

Владимир Токарев

БЕЛАЯ СТАЯ

Владимир Токарев

Белая стая

<https://litres.ru/73923458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она просыпалась по ночам от запаха снега. Он приходил к ней во сне — огромный белый волк с жёлтыми глазами. Алиса думала, что сходит с ума. Но это был не бред. Это была стая.

Алиса — солистка хард-рок-группы «Ржавая мораль». Она пишет песни, которые не помнит, и видит сны, от которых невозможно проснуться. В этих снах — зимний лес, погони, кровь на белой шерсти и стая, зовущая её.

Чем ближе большой концерт, тем тоньше грань между реальностью и тем миром, где она бежит по снегу на четырёх лапах. Макс и Ржавый — её друзья по группе — чувствуют, что Алиса уходит. Но как удержать ту, кто уже наполовину принадлежит лесу?

Это история о выборе между двумя стаями. О музыке, которая стирает границы. О любви, которая не спрашивает, человек ты или зверь. И о том, что настоящий дом — там, где тебя ждут.

Роман «Белая стая» — это мистическая рок-баллада в прозе, где каждая глава звучит как песня, а каждая песня становится частью леса.

Содержание

Глава	4
Книга Первая	5
ПРОЛОГ. Та, которая не спит	5
ГЛАВА 1. Та, которая искала	8
ГЛАВА 2. Лес помнит	13
ГЛАВА 3. Та, кто помнит	18
ГЛАВА 4. Голос крови	23
ГЛАВА 5. Кровь на снегу	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Токарев

Белая стая

Глава

Книга Первая

ПРОЛОГ. Та, которая не спит

Она открыла глаза и поняла: снова ночевала здесь.

В студии пахло потом, старым кофе и металлом. Гитары на стойках молчали, уставившись грифами в потолок, будто ждали приговора. Алиса лежала на продавленном диване, накрывшись кожаной курткой, и чувствовала, как затекла шея.

Телефон показывал 4:23 утра.

Она села, провела ладонью по лицу. В углу, за стеклом, тускло горела лампочка пульта — дежурный свет, под который хорошо пишутся самые тёмные песни. Она написала три за эту неделю. И ни одной не помнила.

Текст лежал на столе, распечатанный на мятых листах. Алиса протянула руку, поднесла к глазам.

«В лесу темно, и снег не помнит...»

Дальше шло что-то про волка. Про то, как холод идёт не снаружи, а изнутри. Про девушку, которая перестала быть девушкой.

— Это я написала? — голос прозвучал хрипло, будто не её.

Она перевернула страницу. Там, внизу, карандашом было

приписано: «Белая стая. Не забудь вой».

Пальцы дрогнули.

Алиса не помнила, когда писала это. Не помнила, как оказалась на диване. Помнила только музыку — тяжёлую, ржавую, которая звучала в голове последние дни. Она приходила ночью, сворачивалась клубком где-то в затылке и не отпускала, пока не выльется в рифф или строчку.

Макс сказал бы: «Ты просто устала. Мы все устали».

Макс... Она посмотрела на его гитару — чёрный «Гибсон», стоящий особняком, как будто он здесь главный. Макс верил в рок-н-ролл как в религию. Он не понимал, почему Алиса пишет такие тёмные тексты. Он хотел драйва, злости, ржавчины — но той, что на железе, а не той, что разъедает изнутри.

— Ты просто не слышишь, — прошептала она.

В этот момент в наушниках, оставленных на пульте, что-то щёлкнуло. Алиса вздрогнула. Тишина стала другой — натянутой, как струна перед тем, как лопнуть.

Она встала, подошла к пульту, надела наушники.

Тишина.

А потом — далёкий, едва различимый звук. Низкий, грудной, похожий на... вой.

Алиса резко сняла наушники.

В студии было пусто.

Только гитары смотрели на неё, и в их молчании ей почудилось что-то звериное.

Она отошла к окну. За стеклом — ночной город, фонари, мокрый асфальт. Но вместо привычного отражения офисов и машин ей показалось, что там, за стеклом, — лес. Белый, безмолвный, ждущий.

— Схожу с ума, — сказала она вслух.

Вернулась к столу, взяла листы. Перечитала первую строчку:

«В лесу темно, и снег не помнит, как пахнет кровь...»

Пальцы сжали бумагу.

Где-то внутри, глубоко, где начинаются сны, кто-то очень похожий на неё сейчас бежал по снегу. Бежал, не чувствуя холода, и слушал, как в груди бьётся второе сердце — огромное, звериное, в ритм с музыкой, которая ещё не написана.

Алиса села за пульт, включила микрофон и нажала «запись».

— Я не знаю, кто это слышит, — сказала она в тишину.

— Но если ты там... приходи. Мне страшно одной.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Через минуту её дыхание стало ровным.

Ей снился лес.

ГЛАВА 1. Та, которая искала

Алиса родилась в городе, где не было леса.

Только дворы, только асфальт, только серые стены. Мама работала в две смены, папа ушёл, когда ей было пять. Она росла с бабушкой, которая ставила ей пластинки.

— Слушай, — говорила бабушка. — Это Шопен. Это Бах. А это — Высоцкий, его у нас не очень любят, но ты слушай.

Алиса слушала.

В семь лет она впервые запела. Сама. Не в хоре, не для кого-то. Просто сидела на подоконнике, смотрела на закат и напевала что-то своё.

— У тебя голос, — сказала бабушка. — Настоящий.

— А что с ним делать?

— Петь.

— Для кого?

— Для себя. А если повезёт — для тех, кто услышит.

В двенадцать лет ей подарили гитару.

Старенькую, потрёпанную, с тремя струнами, которые вечно расстраивались. Но для Алисы это было чудо.

Она научилась играть за месяц. Сама. По видео, по книжкам, по слуху.

— Ты как одержимая, — смеялась бабушка.

— Я как живая, — отвечала Алиса.

По ночам она писала песни. Про любовь, которой ещё не

было. Про лес, который никогда не видела. Про волков, которые снились ей неизвестно почему.

В семнадцать лет она встретила его.

Высокий, красивый, играл на бас-гитаре. Звали Андрей. Они познакомились на концерте местной группы, проболтали всю ночь, а через месяц уже жили вместе.

— Ты особенная, — говорил он. — Твои песни... они как будто из другого мира.

— А ты из этого?

— Я пытаюсь.

Она думала, что это навсегда.

Но через два года он ушёл. Сказал, что не выдерживает её «странности». Что она слишком много времени проводит в своих снах. Что ему нужна нормальная девушка.

— Нормальной не бывает, — сказала Алиса.

Он не понял.

После расставания она полгода не писала песен.

Просто ходила на работу, возвращалась домой, смотрела в потолок. Бабушка умерла за год до этого. Осталась только гитара, три струны и тишина.

А потом она встретила Макса.

Он сидел в баре, пил пиво и рисовал что-то в блокноте. Алиса зашла погреться (на улице был октябрь, холодный, злой). Заказала чай, села за соседний столик.

— Ты Алиса? — спросил он вдруг.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал твои записи. Год назад. Ты выступала в клубе «Гармония».

— Это было давно.

— Я запомнил.

Они разговорились. Оказалось, Макс — гитарист. Ищет вокалистку для своей группы.

— У нас есть Ржавый, — сказал он. — Он на барабанах. Злой, но добрый. Мы давно ищем третьего.

— Я не пою в группах.

— А зря.

Он оставил ей номер. Алиса не звонила две недели. А потом вдруг набрала.

— Когда репетиция?

— Завтра.

Ржавый оказался именно таким, как описал Макс.

Злым и добрым одновременно. Он мог наорать за пропущенный такт, а через минуту принести чай и сказать: «Ты крутая, не сомневайся».

— У тебя голос, — сказал он после первой репетиции. — Не как у всех.

— Это плохо?

— Это редкость.

Они репетировали в старом гараже. Холодно, сыро, пахло бензином и потом. Но Алиса впервые за долгое время чувствовала себя живой.

— Мы назовём группу «Ржавая мораль», — сказал Ржа-

вый.

— Почему?

— Потому что мы ржавые, но моральные.

Алиса засмеялась.

Это был первый смех за два года.

Они выступали в маленьком клубе. Человек двадцать зрителей, половина — друзья, половина — случайные.

Алиса вышла на сцену и замерла.

Свет, люди, тишина. Потом Макс взял первый аккорд. Ржавый ударил в барабаны. И она запела.

«Я не знаю, кто я,

Я просто иду по краю,

Где лес и город тают,

Где волки не знают...»

Она не помнила, как допела. Помнила только, что кто-то в зале плакал.

После концерта к ней подошла девушка.

— Это про что? — спросила она.

— Про то, что я ищу.

— Найдёшь?

— Надеюсь.

За неделю до событий первой главы Алисе приснился странный сон.

Лес. Белый, тихий, бесконечный. Она стояла на поляне, босиком, в лёгком платье, и ждала.

— Ты придешь? — спросил кто-то.

— Кто ты?

— Ты знаешь.

Она проснулась в три часа ночи. Сердце колотилось.

— Что это было? — спросила она пустоту.

Пустота молчала.

Но где-то глубоко внутри уже зарождалось то, что изменит всё.

ГЛАВА 2. Лес помнит

Она не помнила, как заснула.

В студии было холодно. Батареи еле грели, и Алиса натянула куртку прямо на себя, свернулась калачиком на продавленном диване. Где-то за стеной капала вода. Ржавый ушёл час назад, Макс уснул в кресле с гитарой в руках.

Алиса закрыла глаза.

И провалилась.

Сначала был только запах. Хвоя, снег, что-то дикое и древнее. Потом — звук. Тишина. Не городская, с её вечным гулом, а настоящая лесная тишина, где слышно, как падает снежинка на ветку.

Она открыла глаза.

Лес.

Белый, бескрайний, залитый лунным светом. Деревья стояли как стражи, их ветви тянулись к небу, усыпанному звёздами. Снег под ногами был мягким, пушистым, она чувствовала его прохладу сквозь тонкую кожу.

— Где я? — прошептала она.

Никто не ответил.

Она сделала шаг. Снег скрипнул. Ещё шаг. И вдруг поняла: она не боится.

Это было странно. Человек в зимнем лесу, ночью, одна — должен бояться. Но внутри было только спокойствие. Будто

лес узнал её. Будто ждал.

Она шла долго. Может, минуту. Может, час. Времени здесь не было.

Потом деревья расступились, и она вышла на поляну.

Луна висела прямо над головой — огромная, белая, как глаз спящего великана. Свет заливал всё вокруг, превращая снег в серебро.

А в центре поляны стоял он.

Волк.

Огромный, белый, с шерстью, переливающейся в лунном свете. Он был выше любой собаки, выше любого зверя, которого она видела в жизни. Грудь мощная, лапы широкие, хвост опущен, но не в страхе — в спокойной уверенности.

Но главное — глаза.

Жёлтые, с вертикальным зрачком, они смотрели прямо в неё. Не на неё — в неё. Будто видели всё: её детство, её боль, её песни, её одиночество.

Алиса замерла.

— Ты... — выдохнула она.

Волк не шелохнулся. Только кончик уха дрогнул, сбрасывая снежинку.

— Ты та, кто не спит, — сказал он.

Или не сказал. Голос прозвучал прямо в голове — низкий, грудной, древний. Как шум леса. Как треск льда на реке. Как далёкий вой.

— Я сплю, — ответила Алиса. — Это сон.

— Сны тоже бывают настоящими.

Она хотела спросить, что это значит, но вдруг заметила: на краю поляны, среди деревьев, горели глаза. Много глаз. Жёлтых, зелёных, янтарных.

Стая.

— Они... они тоже здесь?

— Мы всегда здесь, — ответил волк. — Мы ждали.

— Меня?

— Тебя.

Алиса сделала шаг вперёд. Ещё один. Страх не было. Был только ток, электричество, которое шло от него к ней, прожигая снег под ногами.

— Почему я?

— Ты поёшь, — сказал волк. — Твои песни... они доходят до леса.

— До леса?

— До нас.

Она подошла ближе. Волк был огромным — его голова доставала ей до плеча. Она протянула руку и коснулась его шерсти.

Тёплая. Живая. Пахнет снегом, смолой и чем-то таким, от чего кружится голова.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— У меня нет имени. Я просто вожак.

— А меня Алиса.

— Я знаю.

Он лизнул её руку. Язык был шершавый, горячий. И в этот момент между ними что-то произошло.

Искра.

Не электрическая, нет. Другая. Древняя. Та, что зажигалась между людьми и зверями тысячи лет назад, когда они ещё понимали друг друга без слов.

Алиса почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Не от холода — от чего-то другого. Что-то внутри неё откликалось на его взгляд.

— Что это? — прошептала она.

— Выбор, — ответил вожак. — Один шаг — и ты уже не вернёшься той, что была.

— А если не шагну?

— Ты всегда будешь помнить этот лес. Всегда будешь тосковать. Но будешь жить своей жизнью.

— А если шагну?

— Тогда ты станешь частью нас. Навсегда.

Алиса закрыла глаза.

Она вспомнила всё: серые стены города, холодную студию, песни, которые никто не слышал, одиночество, которое носила в себе годами.

А здесь — лес. Свобода. Стая. И этот взгляд.

— Я и так не вернусь, — сказала она.

И шагнула.

Тёплый язык коснулся её щеки. Раз — и кожа взорвалась миллионом игл.

Алиса упала в снег. Боль была нечеловеческой. Кости трещали, ломались, срастались заново. Мышцы рвались и стягивались. Кожа горела, будто её окунули в кипяток.

Она хотела закричать, но из горла вырвался только хрип.
— Терпи, — слышала она голос вожака. — Ты сильная.
И вдруг боль ушла.

Осталось только тепло. И запахи. Тысячи запахов, которых она никогда не знала: мох под снегом, спящие птицы в ветвях, мышцы под корнями, страх зайца за три километра. И запах стаи — тёплый, родной, обещающий.

Она открыла глаза.

Вместо рук — лапы. Белые, как снег. Сильные.

Она попробовала пошевелить ими — они слушались.
Встала — тело двигалось легко, плавно, без усилий.

— Добро пожаловать, сестра, — сказал вожак.

Алиса подняла голову к луне. И засмеялась. Или завывала. Между ними больше не было разницы.

ГЛАВА 3. Та, кто помнит

Она открыла глаза.

Потолок. Знакомый, с пятном от протечки в углу. Диван. Продавленный, пахнувший потом и старым кофе. Студия.

Всё на месте.

Кроме неё самой.

Алиса села. Голова кружилась, но не так, как после бессонной ночи — иначе. Будто внутри кто-то другой только что проснулся и теперь смотрит на мир её глазами.

Она посмотрела на руки.

Обычные. Человеческие. Ни шерсти, ни грязи под ногтями.

— Это был сон, — прошептала она. — Просто сон.

Но что-то внутри знало: нет.

Она встала, сделала шаг к окну. И замерла.

Мир звучал иначе.

Раньше утро в студии было тихим. Только капал кран на кухне, да гудел холодильник. Теперь же...

Капли падали с металлическим звоном, от которого закладывало уши. Холодильник гудел так, будто внутри работал реактивный двигатель. За стеной кто-то кашлял — и этот кашель разрывал тишину, как выстрел.

Алиса закрыла уши ладонями.

— Что со мной?

Потом пришли запахи.

Она не замечала их раньше. Ну, пахнет студия — и ладно. Кофе, металл, пыль.

Теперь каждый запах был отдельной историей.

Кофе пах так, что сводило скулы — горький, терпкий, живой. Металл от гитар отдавал чем-то холодным и острым. Пыль в углах пахла старостью и забвением.

А ещё был запах Макса.

Он спал в кресле, свесив голову набок. От него пахло потом, вчерашним пивом и... чем-то ещё. Чем-то тёплым, почти родным. Как от щенка.

Алиса подошла ближе, вдохнула.

— Ты чего? — вдруг спросил Макс, не открывая глаз.

Она отшатнулась.

— Ничего.

— Ты сопела надо мной, как зверь.

— Приснилось.

Он открыл глаза, посмотрел на неё долгим взглядом.

— Странная ты сегодня.

— Я всегда странная.

— Сегодня особенно.

Он отвернулся и снова закрыл глаза. А Алиса стояла у окна и смотрела на город.

Серый, мокрый, шумный. Люди бежали по делам, машины гудели, где-то лаяла собака.

Обычный день.

Но для неё он уже не был обычным.

К обеду она поняла, что хочет пить.

Не просто хочет — умирает от жажды. Воды из-под крана было мало. Она выпила три кружки, потом ещё две. Не помогало.

— Ты чего воду глушишь? — спросил Ржавый, заходя с продуктами.

— Пить хочется.

— Много пела?

— Не спала.

— Тогда понятно.

Он не понял. Никто не мог понять.

Алиса смотрела на бутылку с водой и думала о снеге. О том снеге, что лежал в лесу. Белый, чистый, холодный. Она чувствовала его вкус до сих пор.

Вечером позвонила мама.

— Дочка, ты как?

— Нормально.

— Голос странный.

— Устала.

— Ты береги себя. Я пирожков напекла, приезжай.

— Приеду.

Она отключилась и долго смотрела на экран. Мамин голос звучал обычно. Но Алиса слышала в нём что-то, чего не слышала раньше. Тревогу. Любовь. Страх.

Люди стали для неё открытой книгой.

И это пугало больше всего.

Ночью лес пришёл опять.

Та же поляна. Та же луна. Те же глаза.

Вожак стоял на том же месте, будто и не уходил.

— Ты вернулась, — сказал он.

— Я не уходила.

— Твоё тело ушло. Душа осталась.

— Что со мной?

— Ты учишься. Быть между мирами — трудно. Но ты справишься.

— Я хочу к вам.

— Скоро. Ещё не время.

— Когда?

— Когда твои песни позовут.

Он исчез. Алиса проснулась в холодном поту.

Макс и Ржавый уже не спали. Сидели за столом, пили кофе, о чём-то спорили.

— О, проснулась, — сказал Ржавый. — Иди жрать.

— Не хочу.

— Надо. Ты вчера ничего не ела.

Она села за стол, взяла бутерброд. Мясо пахло так, что у неё потекли слюни. Она никогда не любила мясо. А сейчас...

— Ты чего как волчица? — усмехнулся Макс. — Прямо впилась.

Алиса замерла.

— Что?

— Глаза горят. Прямо страшно.

Она отложила бутерброд.

— Пойду проветрюсь.

Вышла на улицу, вдохнула холодный воздух. Город вонял.

Бензином, гарью, тысячами людей.

А где-то там, за горизонтом, лес ждал.

И она знала: скоро вернётся.

ГЛАВА 4. Голос крови

Студия превратилась в логово.

Алиса почти не уходила отсюда. Спала на диване, ела, когда Ржавый приносил еду, и только пила жадно, много, будто не могла утолить жажду.

— Ты как зверь, — сказал Макс, глядя, как она опустошает третью бутылку воды подряд.

— Я и есть зверь.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Иногда мне кажется, что ты не шутишь.

— Иногда я не шучу.

Она подошла к микрофону, надела наушники. Макс сел за пульт, Ржавый занял место за барабанами.

— Давай ту, новую, — сказала Алиса. — Про лес.

— Их пять.

— Самую страшную.

Макс кивнул и взял аккорд.

Звук поплыл по студии — низкий, тягучий, похожий на вой.

Алиса закрыла глаза.

И лес пришёл сразу.

Она стояла на поляне. Луна, снег, тишина. Вожак был рядом — его белая шерсть светилась в темноте.

— Ты слышишь? — спросил он.

— Что?

— Они идут.

Она прислушалась. Далеко, на краю леса, звучали чужие голоса. Люди. С собаками. С железом.

— Охотники, — сказал вожак. — Они пришли за нами.

— Я помогу.

— Нет. Ты нужна там.

— Где?

— Там, где твой голос.

Она открыла глаза.

Студия. Макс смотрит на неё с удивлением. Ржавый замер с палочками на весу.

— Ты где была? — спросил Макс.

— В лесу.

— В каком лесу?

— Неважно. Играй дальше.

Она запела.

Слова приходили сами, она не думала, не сочиняла — просто открывала рот, и из него лилось то, что лес шептал ей на ухо.

«В лесу темно, и снег не помнит,

Как пахнет кровь на белой шерсти.

Вожак уходит, стая стонет,

А я всё жду тебя на перепутье...»

Макс побледнел.

— Алиса, это... это не ты написала?

— Нет.

— А кто?

— Они.

Ржавый отложил палочки.

— Слушайте, мне это не нравится. Вы слышите, что она поёт? Там про кровь, про смерть...

— Это просто песня, — сказал Макс, но в голосе не было уверенности.

— Нет, — ответила Алиса. — Это не просто песня.

Она положила руку на грудь.

— Там, в лесу, сейчас что-то происходит. Я чувствую.

В этот момент её пронзила боль.

Острая, режущая, прямо в бок. Алиса закричала и упала на колени.

— Алиса! — Макс кинулся к ней.

— Не трогай!

Она сидела на полу, сжимая бок, и раскачивалась. Глаза закрыты, зубы стиснуты.

— В него стреляли, — прошептала она.

— В кого?

— В вожака.

Ржавый переглянулся с Максом.

— Чушь какая-то, — сказал он. — Алиса, очнись.

Она открыла глаза. В них стояли слёзы — не человеческие, звериные, полные боли и ярости.

— Я должна идти.

— Куда? До концерта неделя!

— Я должна...

Она замерла, прислушиваясь к чему-то внутри.

— Нет. Уже не надо. Он жив. Он сильный.

— Кто жив? — спросил Ржавый.

— Вожак.

Алиса не знала, как это объяснить.

Она видела.

Через сотни километров, через границу миров, она видела поляну, залитую кровью. Видела, как вожак лежит на снегу, а стая кружит вокруг, не зная, что делать.

Потом пришла волчица.

Та, что была ей сестрой по лесу. Она подошла к вожаку, лизнула рану, а потом... вытащила пулю зубами.

Алиса почувствовала этот вкус. Металл и кровь. Горечь и сладость одновременно.

— Она спасла его, — прошептала Алиса.

— Кто? — не понял Макс.

— Волчица. Моя сестра.

Ржавый посмотрел на Макса.

— У неё крыша едет.

— Не едет, — ответил Макс. — Она просто... другая.

Алиса встала. Боль ушла, осталась только слабость.

— Я хочу домой.

— Ты дома.

— Нет. Дом там.

Она посмотрела в окно. За стеклом — город, огни, машины. Но где-то там, за горизонтом, был лес.

И он звал.

Ночью она не спала.

Сидела на подоконнике, смотрела на луну. Та самая луна, что светила над лесом.

— Не спится? — спросил Ржавый, выходя из темноты.

— Нет.

— Я тоже.

Он сел рядом, достал сигарету.

— Ты мне скажи, Алиса. Ты правда там бываешь?

— Где?

— В лесу.

— Бываю.

— И что там?

— Там я настоящая.

Он затаился, выпустил дым в окно.

— А здесь?

— Здесь я играю роль.

— Какую?

— Певицы. Подруги. Человека.

Ржавый помолчал.

— А кем ты хочешь быть?

— Я не знаю.

Он кивнул, затушил сигарету и ушёл спать.

А Алиса осталась сидеть на подоконнике, слушать ночной

город и ждать, когда лес позовёт снова.

Утром пришло сообщение от Макса.

«Алиса, вчерашняя запись... Это гениально. Мы должны включить эту песню в альбом. Все пять».

Она посмотрела на телефон, потом на свои руки.

На запястье был синяк. Она не помнила, откуда он взялся.

Но что-то подсказывало: из леса.

ГЛАВА 5. Кровь на снегу

Волчица ждала на краю поляны.

Она вжалась в снег, сливаясь с ним, становясь почти невидимой. Только глаза горели жёлтым огнём — тревога, надежда, страх.

Она не знала, сколько прошло времени. В лесу его не считали. Но сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за километр.

— Вернутся, — шептал кто-то внутри. — Должны вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.